

НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ДИССЕРТАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

ОПЫТ И ТРАДИЦИИ ОППОНИРОВАНИЯ ДИССЕРТАЦИЙ В РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (из диссертационной практики ученых-историков) Часть 1. Институты экспертизы диссертаций

Н. Н. Алеврас

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00264

Представленный автором исследовательский материал ориентирован на изучение различных видов и форм оппонирования диссертаций в российских университетах изучаемого времени. Они рассматриваются в качестве системы способов экспертизы научной состоятельности квалификационных работ, авторы которых претендовали на ту или иную ученую степень. Статья состоит из двух частей. Первая часть после вводного сюжета о характере инкорпорированности диссертационной культуры в университетское пространство, обращена к изучению институтов экспертизы диссертаций. В частности, рассматривается институт публичного диспута, тесно связанный с традицией освещения его хода, в т. ч. выступлений оппонентов, в печати. Данный сюжет акцентирует внимание на потенциал диспута в области осуществления научно-профессиональной и общественной (общекультурной) экспертизы научного труда. Специфика факультетского отзыва о диссертации как экспертиза допуска соискателя к защите диссертации – следующий аспект статьи. Традиция составления факультетских отзывов представлена с учетом нормативных требований к этому виду экспертизы и отношения современников к качеству данной экспертной функции факультетов. В контексте этого сюжета рассматриваются практики отказов принимать представленные в факультет диссертации. Складывание института официальных оппонентов на уровне законодательной нормы и традиций университетской жизни продолжает тему первой части статьи. Принципы выбора и назначения оппонентов в практиках различных защит диссертаций позволяют представить общую картину традиций оппонирования в российских университетах. В основу статьи положены тексты университетских уставов, положений об ученых степенях, делопроизводственная документация университетов, материалы личных архивных фондов ученых-историков, периодическая печать, источники личного происхождения.

Ключевые слова: *российские университеты, диссертационная культура, диссертация, оппонент, отзыв оппонента, факультетский отзыв, экспертиза диссертации, периодическая печать.*

Вхождение в тему: университетское пространство и диссертационная культура

Неослабевающий интерес в историографии текущих десятилетий к российским университетам как особому пространству национальной культуры [Краснова: 2009, С. 36–46; Запорожец: 2013, С. 21–58; Посохов: 2013], поиски методологических подходов к пониманию смыслов и культурной специфики данного феномена [Ильина, Вишленкова: 2013, С. 329–357; Малышева: 2016, С. 169–187] являются выражением того научного опыта, который позволяет развивать внедряемые идеи и предлагать дополнительные ракурсы восприятия и познавательных возможностей теперь

уже довольно освоенной темы истории университетов.

Университетская культура – культура особого типа в российском национальном опыте – складывалась как феномен-антипод, не имеющий прямых аналогов в политической и социокультурной традициях. Заложенные в университетскую систему принципы внутренней «свободы» университетов («университетской автономии»), допускавшие процессы саморегулирования отдельных аспектов их деятельности, неминуемо порождали инициативы университетского сообщества, нацеленные на рационализацию и систематизацию университетской повседневности, что

современники иногда называли «университетским бытом». Усилиями акторов университетской культуры ее общее пространство обогащалось и множилось новыми сегментами, превращавшими его в сложное мультикультурное образование¹. Выражением университетского мультикультурализма стали, в частности, взаимодействующие процессы-феномены, получившие в современной историографической лексике такие обозначения как «профессорская культура», «схоларная культура», «диссертационная культура».

Тема данной статьи напрямую связана с последним из обозначенных локусов университетской культуры², в лоне которого осуществлялась подготовка научных кадров высшей квалификации. Этот локус университетского пространства имел две основные «несущие балки» – нормативно-правовую и социокультурную: университетские уставы и положения об ученых степенях на законодательном уровне определяли основы достижения высших ступеней профессионализации ученых; университетские традиции подготовки поколений научных сообществ закладывали опыт профессиональной научной культуры, в рамках которой формировались практики подготовки и презентаций диссертаций.

Учитывая гетерогенность университетского пространства, диссертационную культуру, органически выросшую в нем из задач деятельности университетских людей, нацеленной на создание корпорации остепененных ученых, также можно представить в виде сложной конструкции. Она структурируется различными элементами профессиональной подготовки специалистов высшей квалификации, карьерные возможности которых могли быть реализованы лишь при условии научных и статусных достижений, подтвержденных созданием и защитой диссертаций с соответствую-

¹ Нельзя в этой связи не учитывать взгляд П.Ю. Уварова на российский университет как «академическую свободную корпорацию». Предлагаемый в данной статье подход вполне соотносится с его идеей «вирулентности» университетского феномена, проявляющегося в определенном противостоянии университетских сообществ мощной российской государственности. Это придавало университетской культуре «внутреннюю логику» саморазвития: «<...> если хотя бы основные элементы университетской системы были намечены – далее вступала в действие *сила вещей*, диктовавшая университетскому люду определенные поступки и решения» [курсив П. Уварова. – *Н.А.*] [Уваров: 2000, С. 98].

² О диссертационной культуре см.: [Алеврас: 2016, С. 4–18; Корзун: 2016, С. 19–25]. Близкой по проблематике является серия статей по истории научной аттестации в российских университетах [Вишленкова, Ильина: 2013, С. 84–107].

ющим приобретением ученых степеней.

В заданном ракурсе диссертационная культура может восприниматься как многоуровневая система, содержание и смысл которой связан с реализацией различных экспертных функций на всех этапах подготовки будущего ученого.

Оппонирование диссертаций – один из элементов этой системы – представляло завершающий этап и способ профессиональной экспертизы результатов работы над квалификационным сочинением. Положительные отзывы от факультета и оппонентов являлись основанием для рекомендации соискателей со стороны факультетов в утверждении их в той или иной ученой степени. Функцию утверждения ученых степеней в дореволюционной России выполняли советы университетов, выдававшие соответствующие дипломы³. Выступая инструментом научной экспертизы, оппонирование, одновременно, стало центральным элементом диссертационного диспута. В современной историографии растет интерес как к нормативным основам и историям защит диссертаций [Зипунникова: 2009; Алеврас, Гришина: 2014, С. 77–90; Алеврас: 2017], так и к изучению статуса, функций и историй создания отзывов оппонентами и иными экспертами [Иванов: 1994, С. 164–182; Иванов: 2016, С. 456–490; Сухова: 2010, С. 21–35; Алеврас: 2011, С. 129–144; Кибальная: 2015, С. 36–44; Галиуллина, Ильина: 2016, С. 15–24; Ильина: 2016, С. 36–49; Ильина: 2016, С. 169–187; Скворцов: 2016, С. 69–87].

Выбор хронологического диапазона статьи обоснован укреплением в 1860–1880-е гг. законодательно-нормативной системы получения ученых степеней посредством нормирования процедур экспертизы и публичной защиты диссертаций и, что немаловажно – в результате существенного обогащения во второй половине XIX – начале XX в. опыта и практик оппонирования.

Осуществленный анализ статистики защит на основе обобщения созданной базы данных о

³ Заметим при этом, что в период действия первых уставов начала XIX в. и «положения» об ученых степенях 1819 г. функции утверждения решений университетов о присуждении степени магистра и доктора, как и выдача соответствующих дипломов, осуществлялись министром духовных дел и народного просвещения (см.: Положение о производстве в ученые степени // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1819. Собр. 1, Т. 36, № 27646, § 36, 42). С введением устава 1835 г. советы университетов получили prerogative утверждения ученых степеней. См.: Университетский Устав, 26 июля 1835 г., ст. 109. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123>. Эта норма, естественно, сохранилась в основе пореформенного университетского законодательства.

диссертациях и диссертантах-историках в дореволюционных университетах России [Алеврас, Гришина, Скворцов: 2016, С. 32–40], убеждает, что именно в пореформенный период и вплоть до конца второго десятилетия XX в.¹ наблюдался стабильный рост соискателей ученых степеней и организованных защит диссертаций. Приведу статистику защит по основным историческим специальностям («разрядам» наук) – русской истории и всеобщей истории. Из 282 зафиксированных диссертаций по этим разрядам в первой половине XIX в. (1810–1850-е гг.) было осуществлено 64 защиты (22,7%). Рост числа защит в этот период наметился в 1840-е гг. В пореформенное время и в первые десятилетия XX в. – в период действия уставов 1863, 1884 гг. и «Положения» об ученых степенях 1864 г. – было защищено 218 диссертаций (77,3%) [Алеврас, Гришина, Скворцов: 2016, С. 36]. Пики защит приходится на 1880-е гг. и первые десятилетия XX в.

Нормативная процедура защит диссертаций, получив наиболее разработанную модель на основе уставов 1863 и 1884 гг. и «Положения» об ученых степенях 1864 г., была ориентирована на предоставление советам и факультетам каждого университета юридических полномочий в сфере организации защит и присуждения ученых степеней.

Вместе с тем нормирование процедурной стороны диссертационной системы не было отягощено детализациями организационных аспектов подготовки соискателя к защите и проведения диспута. Некоторый схематизм уставных норм, регулировавших данную сферу деятельности университетов, ориентировал профессорско-преподавательский состав к проявлению широкого спектра инициатив по их реализации. Благодаря этому процессы подготовки соискателей ученых степеней к защите, организация публичных диссертационных диспутов и обеспечение этой процедуры системой экспертных оценок их трудов со стороны историко-филологических факультетов и официально назначаемых ими оппонентов приобретают системность и укореняются в научно-организационной деятельности университетов как традиция.

Этот опыт, результирующей составляющей которого является защита диссертации, позволяет говорить о том, что на рубеже XIX–XX вв. процесс формирования российской модели дис-

¹ Последние защиты диссертаций, осуществленные по правилам и традициям дореволюционной практики, датируются 1918–1919 гг. Уточним: за эти два года по специальностям «русская история» и «всеобщая история» учтено 8 защит. Для сравнения: в 1917 г. было защищено 6 диссертаций, в 1916 г. – 9 диссертаций.

сертационной системы/культуры в основных своих чертах завершился. Культура оппонирования, приобретавшая характер устойчивой научной нормы, являлась органичной ее частью. Она складывалась в общих характеристиках как единая традиция российских университетов. Основой этого единства были общие для всех университетов уставы и «Положения» об ученых степенях, но поскольку каждый из университетов рассматривался как самостоятельная юридическая единица, постольку факультеты и советы университетов имели полномочия самостоятельного присуждения и утверждения ученых степеней. Данный элемент «университетской свободы» представляет немаловажную деталь: он становился некой основой формирования и закрепления локальных традиций подготовки ученых в каждом из университетов. В результате опыт и практики организации диссертационных диспутов, выработка принципов и экспертных критериев установления достоинств и недостатков диссертаций, при общем их сходстве в целом, приобретали специфические черты в сообществах ученых различных университетов и факультетов.

Публичность диссертационных диспутов и периодическая печать

Для общей гуманитарной сферы науки второй половины XIX – начала XX в. характерным было стремление делать научное знание доступным широкой профессиональной и культурной среде. Принцип публичности защит диссертаций устанавливается уже в первых уставах начала XIX в. и последовательно фиксируется в уставах и инструктивно-нормативных приложениях к ним (в виде «положений») последующего времени. Ситуация отката на несколько лет от этой традиции с конца 1849 г. [Иванов: 2016, С. 456–458] была остановлена в 1857 г. путем возвращения к нормам «Положения» 1844 г.², а требования публичности усилены уставом 1863 г. и «Положением» 1864 г.

Уставно-нормативные основания публичности диссертационных диспутов вызвали интенсивно развивавшиеся на рубеже XIX–XX вв. соответствующие начинания научного сообщества. В частности, это выразилось в традиции освещения фактов защит диссертаций в периодической печати. Широкая практика ее применения рассматривалась учеными-современниками и как реализация норм университетских уставов, и как

² См.: О предоставлении всем желающим права присутствовать при защите ученых диссертаций // РГИА. Ф. 733. Оп. 88. Д. 163. Л. 1–11.

способ информирования заинтересованной культурной аудитории о научных событиях университетской жизни, и, наконец, как возможность избежать социокультурной изоляции науки. Университетское сообщество под публичностью диспутов понимало не только право любого желающего присутствовать и участвовать в этом событии, а оппонентам открыто оценивать научный уровень диссертации, но и свободно транслировать информацию об этом в культурное пространство. Поэтому университеты и факультеты в лице активистов на диссертационном поприще (представители университетских структур, сами соискатели, оппоненты, рецензенты) брали на себя функцию информирования в газетах и журналах хода и результатов диссертационных диспутов, включающую в т. ч. сообщения о выступлениях оппонентов.

Подчеркну, ссылаясь на сведения основоположника изучения диссертационных диспутов в российских университетах – Г.Г. Кричевского, что в дореволюционный период существовала практика троекратных публикаций извещений в официальной прессе о планируемых защитах диссертаций. Хорошо известен и опыт публикаций информации о прошедших диспутах в периодике [Кричевский: 1985, С. 146–147, 148]. Можно заметить также, что нередко в личных фондах дореволюционных ученых-историков обнаруживаются вырезки из периодических изданий, освещающие описания как их собственных защит, так и иных диспутов, в т. ч. и тех, где они выступали в роли оппонентов. Подобные факты демонстрируют повышенное внимание ученых к такой информации и раскрывают значимость для них периодики как инструмента научных коммуникаций. Случай, когда после диссертационного диспута в прессе не было о нем сообщений или они не точно отражали его реалии, вызывали у современников досаду и даже возмущение. Так, после докторского диспута медиевиста Д.Н. Егорова, изучавшего славяно-германские отношения в период средневековья (1916), один из оппонентов – А.Н. Савин – с досадой зафиксировал в дневниковой записи: «Газеты не обмолвились ни словом о диспуте, за исключением “Русских Ведомостей”. Но и те сделали бы лучше, если бы не написали ничего. Я уже не говорю, что от моих длинных и разнообразных возражений не осталось почти ничего <...> О переполненной аудитории и об овациях диспутанту ни слова. А о диспуте бездарного Устинова¹ писали с умилением.

¹ Речь идет о правовед В.М. Устинове (1874–1941), специалисте по государственному праву, получившему в 1916 г. докторскую степень.

Я давно перестал удивляться, но Егоров обижен <...>» [Савин: 2015, С. 411].

Само собой разумеется, что детальное освещение роли периодической печати в затронутом аспекте инициатив ученых потребовало бы отдельного исследования. В данном случае подчеркну, что признание ценности для науки информации такого рода, приводило к идеям создания специальных научных изданий, ориентированных на публикацию материалов о текущей жизни историко-научного сообщества и включающих интересующие нас аспекты диссертационной культуры. В качестве одного из примеров отмечу начинание со стороны журнала «Историческое обозрение»², основанного в 1890 г. Историческим обществом Санкт-Петербургского университета³. «Историческое обозрение» было нацелено на освещение событий научной жизни всех российских университетов. Его редактор Н.И. Кареев подчеркивал, определяя программу нового журнала: «Издаваясь в столице государства и ученым Обществом, имеющим среди своих членов весьма почтенное количество иногородних деятелей науки, наш сборник как бы предназначен к тому, чтобы сделаться со временем центральным органом исторической науки в России» [Кареев: 1891, Т. 2, С. V–VI].

Как видим этому изданию предназначалась роль академического журнала как коммуникативного центра российских ученых-историков. Заметим, что среди разнообразных пунктов программы научного издания предполагалось систематически информировать научное сообщество о

² Будучи основанным в 1890 г., журнал просуществовал до 1916 г. Всего был издан 21 том. Выдержать планируемую периодичность издания (2 тома в год) не удалось. Поэтому издание квалифицировалось как «непериодическое». По замыслу его учредителя – «Исторического общества» – журнал должен был сыграть роль, подобную зарубежным академическим «revue» по историческим наукам. Редактор «Исторического обозрения» подчеркивал общественный характер инициативы его издания: оно существовало исключительно на взносы членов «Исторического общества» (их численность на 1890 г. – 216 человек) и «случайные пожертвования». Это «одно из невыгодных условий издания» не позволяло, по свидетельству Н.И. Кареева, выплачивать гонорары за публикуемые научные материалы и в целом существенно ограничивало освещение в нем реального потенциала деятельности российского историко-научного сообщества. «Скудость материальных средств» неоднократно подчеркивалась редактором. [Кареев: 1891, Т. 2, С. V–VI].

³ Журнальная периодика университетов воспринимается современными специалистами в сфере университетских исследований как выражение «корпоративной саморегуляции» и «профессиональной самоорганизации», что соответствует и нашим наблюдениям за особенностями проявлений диссертационной культуры. [Галиуллина, Ильина: 2013, С. 135–168].

претендентах, выдвинутых «для приготовления к профессорскому званию», о готовящихся диссертациях и о диспутах [Кареев: 1891, Т. 2, С. VIII].

При этом был взят курс на публикацию материалов диссертационных диспутов, включающих соискателей различных гуманитарных специальностей, темы диссертаций которых могли быть интересны историко-научному сообществу. Публикуемые материалы о диспутах весьма информативны: здесь представлены биографические сведения о соискателях (*curriculum vitae*); излагалось содержание (в некоторых случаях дословно) вступительных речей соискателей и, что немало важно, выступлений оппонентов с критическими замечаниями к авторам диссертаций. В ряде случаев воспроизводились фрагменты полемических диалогов оппонентов и соискателей. Учитывая известную особенность ведения документации диспутов, в частности – отсутствие практики их стенографирования, трудно переоценить подобные опыты журнальных публикаций.

Объемными и информативно-насыщенными стали специальные рубрики журнала о диссертационных диспутах, представленные в нескольких первых томах «Исторического обозрения» [Исторические диспуты в 1890 г.: С. 276–310; Исторические диспуты: 1891, Т. 2, С. 171–177; Исторические диспуты: 1891, Т. 3, С. 205–225; Университетские диспуты: 1892, Т. 5, С. 177–226]. Характерно примечание к рубрике о диспутах, сделанное редакцией к 1 тому журнала, отражающее стремление к всеохватности освещения подобных событий в российских университетах: «Редакция сборника надеялась поместить отчеты *обо всех исторических диспутах*, происходивших в 1890 г., но многие обещанные отчеты ей своевременно доставлены не были» [курсив мой. – *Н.А.*] [Исторические диспуты: 1890, С. 276]. Этот момент примечателен: к подобной инициативе отдельных лиц и изданий научное сообщество, проявляя инертность, оказалось не готово.

Редакции журнала не удалось последовательно реализовать первоначальные планы: задуманная рубрика не стала постоянным элементом во всех томах издания. Однако сам по себе предпринятый опыт вполне выражает понимание современниками значимости диссертационных диспутов в жизни историко-научного сообщества и объясняет их стремление запечатлеть подобные факты в анналах научной истории. Впоследствии интересующие нас аспекты из истории диссертационной культуры в той или иной форме найдут продолжение в других историко-научных

изданиях – «Научном историческом журнале» (1913–1914), Русском историческом журнале (1917–1922).

Публиковавшиеся в «Историческом обозрении» материалы о диспутах в жанровом отношении могут быть приравнены к репортажам с мест событий. Заметим, что в анализируемом издании в ряде случаев указывался информатор, предоставивший протокольную запись о ходе диспута, содержащую фиксированную полемику между оппонентами и соискателем. Финансовые трудности журнала дают основания полагать, что работа корреспондентов, предоставлявших неофициальные протоколы диссертационных диспутов, имела безвозмездную основу, что могло являться сдерживающим моментом данного начинания. Назову некоторых из выявленных корреспондентов: в освещении магистерского диспута П.Н. Милюкова (1892) информатором выступил В.Н. Сторожев [Университетские диспуты: 1892, Т. 5, С. 215–216] – выпускник Московского университета историк, археограф и публицист¹. Материалы о диспуте М.С. Корелина (1892) были представлены В.Н. Беркутом² [Университетские диспуты: 1892, Т. 5, С. 191]. Сведения о ходе защиты докторской диссертации по государственному праву И.И. Собестианского (1892)³ (Харьковский университет) получены редакцией журнала от известного филолога и историка А.Н. Деревницкого [Университетские диспуты: 1892, Т. 5, С. 198], в то время – экстраординарного профессора кафедры классической филологии Харьковского университета. Запись диспута Н.М. Бубнова (1891) была осуществлена С.Л. Степановым [Исторические диспуты: 1891, Т. 3, С. 217]⁴, являвшимся, как и диссертант, учеником Г.В. Васильевского, который, однако, не завершил работу над диссертацией. В ряде случаев (в частности, в 1-ом томе Исторического обозрения за 1890 г.) при публи-

¹ Любопытно примечание В.Н. Сторожева, фиксирующего изначально, но к его досаде, не реализованное стремление точно воспроизвести фактографию диспута: «Автор отчета считает своим долгом извиниться пред читателями “Исторического обозрения”, что по совершенно независимым от него обстоятельствам, отчет вышел недостаточно полным и мало выдержанным в смысле точности». В качестве корреспондента журнала Сторожев выступал и на других диспутах, в частности на магистерском диспуте А.Н. Филиппова, защищавшем диссертацию по истории права [Исторические диспуты: 1891, Т. 3, С. 223].

² Сведений о Беркуте с указанными инициалами найти не удалось.

³ Диссертация И.И. Собестианского под названием «Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян» рассматривалась редакцией журнала работой, близкой интересам историков.

⁴ О С.Л. Степанове см.: [Филимонов: 2012, С. 142].

кации в подобном формате материалов о диспутах сведения об информаторах отсутствуют.

Представленный сюжет позволяет подчеркнуть не только роль периодики в трансляции событий диссертационной культуры, но и принятый университетской корпорацией ориентир на широкую гласность мнений оппонентов-экспертов диссертаций. Благодаря информационно-коммуникативному потенциалу периодической печати базовый принцип публичности диспутов получал более эффективную реализацию. Принцип публичности использовался университетским сообществом и для обеспечения защит диссертаций своеобразной неформальной экспертизой со стороны научной и культурной общественности. Она могла проявляться и появлением в печати публикаций рецензий на уже защищенные диссертации.

Курс же на создание специальных дисциплинарных научных журналов по истории позволял обеспечить научное сообщество каналами связи и содействовать консолидации историко-научных сообществ различных университетов. К тому же тематические разделы о диссертационных диспутах в научных изданиях являлись основой удовлетворения взаимного интереса представителей различных российских университетов к защищаемым диссертациям, способствуя созданию единого пространства университетской научной традиции.

Публикации о диспутах, представленных «Историческим обозрением», в большинстве своем сопровождалась и текстами рекомендательных факультетских отзывов о диссертации. Отзывы этой разновидности создавались конкретными лицами, но позиционировались как консолидированное мнение, выраженное корпорацией соответствующего факультета. Факультетский отзыв являлся главным документальным основанием, удостоверяющим факт и легитимность защиты диссертации.

Экспертиза допуска к защите: факультетский отзыв

Поскольку основу законодательного регулирования деятельности многих университетов в начале XIX в. составлял устав Московского университета 1804 г., целесообразно обратиться к нему, чтобы выяснить истоки традиции допуска к защите. В нем предусматривались меры предварительного «публичного испытания» для претендентов на высшие ученые степени, или «предварительного искусства», то есть проверки знаний и компетенций претендента на ту или иную уче-

ную степень при помощи комиссии, состоящей из декана и двух профессоров. При установлении их низкого уровня, претендента не допускали к испытаниям, в т. ч. к диспуту¹. Эта традиция предварительной проверки компетенций определенно прозвучала в Положении об ученых степенях 1844 г.: защита магистранта могла состояться только после «подробного разбора» диссертации представителем факультета (в статусе профессора или адъюнкта) и признания ее удовлетворительной; претендент на докторство должен был сначала защитить диссертацию перед факультетом и только после одобрения ее мог быть допущен к публичной защите². На новом витке разработки положения об ученых степенях в 1864 г. нормы предварительной экспертизы были несколько облегчены для соискателя докторской степени. И магистерская, и докторская диссертации в одинаковой степени должны были быть подвергнуты рассмотрению членов факультета и «письменному разбору» со стороны назначенного деканом профессора или доцента. Только после признания ее удовлетворительной, ее автор допускался к «публичному защищению»³. Пройдя экспертизу факультета диссертации, признаваемые не соответствующими научным стандартам того или иного университета, не выдвигались на защиту.

Факультетский отзыв становился стартовым сигналом к выходу соискателя на защиту. Отзыв данной разновидности мог быть составленным как одним (наиболее частый вариант), так и двумя экспертами. Характерной особенностью факультетского отзыва стало появление клишированной формулы в конце его текста в таких, например, вариациях: «<...> этот труд может быть допущен в качестве магистерской диссертации к публичной защите»; «<...> одобрить сочинение г. N и допустить его к публичной защите на степень магистра русской истории»; «<...> закончим отзыв предложением допустить г. N к публичной защите его диссертации».

Как правило, большая часть соискателей благополучно проходили стадию предварительной экспертизы, получая пропуск на защиту в виде положительного рекомендательного отзыва о

¹ Университетский устав (5 ноября 1804 г.). URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 02.02.2017).

² Положение о производстве в ученые степени (от 6 апреля 1844 г.) // Журн. министерства народного просвещения (ЖМНП). 1844. Ч. 42. Ст. 36, 38.

³ Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (от 4 января 1864 г.) // ЖМНП. 1864. Ч. 121. §§ 21, 23.

диссертации от факультета и обеспечивая себе присуждение «искомой степени». Создание подобных отзывов поручалось профессору или приват-доценту кафедры, специальности которой соответствовала тема диссертации. Но следует заметить, что тема факультетского отзыва и принципы его составления стали предметом обсуждения в развернувшейся дискуссии конца XIX в. о ситуации с приобретением ученых степеней в российских университетах. Один из ее участников – казанский профессор, специалист в области гражданского права Г.Ф. Шершеневич сетовал по поводу сложившейся рутинности в деле создания факультетского отзыва, полагая, что эта благая традиция искажалась практикой его составления фактически одним лицом. Его волновало, что ценность диссертации, определялась «единолично под прикрытием коллективно-го начала» [Шершеневич: 1897, С. 19–20].

Подчеркнем при этом, что нередко автор факультетского отзыва выступал и одним из оппонентов. В такой ситуации одновременного создания факультетского и оппонентского отзывов часто оказывались С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский, В.И. Герье и др. Можно заметить, что создатели факультетских (рекомендательных) отзывов оформляли их соответствующим образом для предоставления в факультет. Поэтому они лучше сохранились в архивных коллекциях, что позволяло их впоследствии опубликовать. В частности, опубликованные в «Сочинениях» Ключевского, известные его отзывы на диссертации В.И. Семевского и П.Н. Милюкова, относятся к категории факультетских. В некоторых случаях именно эта разновидность отзыва становилась основой для публикации его текста в виде своеобразной рецензии на защищенную диссертацию. Так поступил, например, Платонов, когда составленный им текст факультетского отзыва на магистерскую диссертацию А.Е. Преснякова¹, был им опубликован в одном из журналов [Платонов: 1909, С. 213–216].

Отрицательный отзыв факультета о диссертации, подвергнутой предварительной проверке, не был частым явлением, но драматические для соискателя ситуации, связанные с отказом допустить его к защите, тем не менее, случались на разных факультетах. Для среды историков примером может служить инцидент с отрицательным факультетским отзывом на докторскую диссертацию А.И. Барбашёва, окончившего историко-филологический факультет Петербургского университета и считавшегося учеником Е.Е. За-

мысловского. В 1886 г. он в alma mater благополучно защитил магистерскую диссертацию, после чего его преподавательская деятельность была связана с Киевским университетом. Докторскую диссертацию он предполагал защищать в родном университете.

О «неприятной истории» с докторской диссертацией Барбашёва делала записи в своем дневнике Н.Н. Платонова². Она свидетельствовала, что первоначально назначенные для рецензирования диссертации С.Ф. Платонов и В.Г. Васильевский, ознакомившись с ней, «после долгих размышлений» предложили автору забрать диссертацию. В ответ Барбашёв представил факультету «свои объяснения». Автор дневника фиксировала процесс последовавших длительных и мучительных обсуждений диссертации в заседаниях факультета³, колебаний его представителей относительно ее оценивания, а также неоднозначное отношение к ее автору⁴.

Однако в конечном итоге докторская защита Барбашёва была отклонена путем голосования: 8 – «против», 4 – «за»⁵. При этом Васильевский, который вместе с Платоновым должен был составлять отзыв, стал высказывать возможность «снисхождения» к диссертации, а в конечном итоге проголосовал за допуск к защите. В результате текст факультетского отзыва пришлось составлять одному Платонову⁶.

Определяя слабые стороны диссертации, Платонов выявил методологическое бессилие автора, не вышедшего за пределы «прагматического изложения фактов» и представившего лишь «сводную летопись», события которой остались без авторского объяснения. Хотя Платонов старался быть объективным, обозначая и положительные аспекты исследования, но в основной – методологической позиции – Барбашёв был, по мнению рецензента, весьма уязвим. С позиций научных ценностей петербургской исторической школы автор отзыва подчеркивал отсутствие понимания им смысла источниковедческого анализа. Эта

² См.: ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5691. Лл. 93об. 94; 99 об; 114–116; Д. 5692. Л. 1–2.

³ Судя по записям Н.Н. Платоновой, вопрос о диссертации Барбашёва обсуждался с марта 1891 г. по октябрь 1892 г.

⁴ По свидетельству Н.Н. Платоновой, В.И. Ламанский «был очень против диссертации», а К.Н. Бестужев-Рюмин (он в то время уже был в отставке, но оставался в курсе дел на факультете) вполне допускал возможность ее защиты, полагая, что хотя у автора «таланта нет, но и нелепостей нет, есть начитанность, трудолюбие». См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5692. Л. 1 об., Д. 5691. Л. 116.

⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Д. 5691. Л. 93 об. 116; Д. 5692. Л. 1–2.

⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1458. Л. 1–12. Судя по помете, отзыв был зачитан в факультете 24 октября 1892 г.

¹ См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 1462. Л. 2–4.

претензия рефреном звучит в отзыве. Не без догады и даже возмущения Платонов констатировал примитивность подхода автора диссертации к источникам: «<...> он подчиняется каждому своему источнику и рабски его пересказывает». Позиция автора диссертации не соответствовала и тогдашним требованиям знания научной литературы: «историографического обзора у него нет», его книга «не вводит читателя в новое научное разрешение вопроса, предлагая ему разбор фактов без всякого общего его освещения, необходимого и возможного по состоянию историографии». Снижал новизну труда и отмеченный Платоновым факт использования в диссертации ряда сюжетов из его магистерской работы. Подчеркивая, что сочинение Барбашёва «представляется <...> просто отсталым в основных воззрениях на избранную им эпоху и ее изучение», а рецензируемый труд отличается «скудостью ученых результатов» и «не дает ничего нового и ценного», рецензент предлагал представителям факультета обсудить вопрос, «в какой мере труд г. Б. достоин высшей ученой степени»¹.

После знакомства членов факультета с этим отзывом и состоялось указанное голосование. Естественно, подобные результаты экспертизы были весьма болезненными для претендентов на защиту. Случай с Барбашёвым, уже издавшим (!) в 1891 г. текст злополучной диссертации [Барбашёв: 1891], по свидетельству современников привел автора даже к временному «психическому расстройству» [Бухерт: 2000, С. 131]. Но следует иметь в виду, что отказ в защите диссертации не являлся абсолютным приговором: известно немало случаев в подобных ситуациях организации соискателями защит в других университетах.

Как правило, отрицательные факультетские отзывы не публиковались, в отличие от положительных, тексты которых попадали в печатавшиеся в ряде университетов протоколы отчетов советов университетов о защитах диссертаций. Со стороны критиков сложившихся порядков – того же Г.Ф. Шершеневича – такая ситуация вызвала обвинение факультетов в «келейности» принятия решений о недопущении диссертации к диспуту [Шершеневич: 1897, С. 16–17]. Правда, его оппонент – известный историк права, профессор Петербургского университета В.И. Сергеевич, ссылаясь на опыт одного из университетов (какого именно – не указал), постановившего печатать отрицательные отзывы, опроверг этот выпад. Он заявил, предлагая проявлять корпоративную инициативу: «Ничто не мешает и другим университе-

там позаимствовать это прекрасное правило. Для этого не требуется никаких реформ и подписаний свыше» [Сергеевич: 1897, С. 7].

Для понимания принципов и традиций предварительного экспертирования диссертаций, а также выбора тактик поведения претендентов на защиту диссертации, кроме случая Барбашёва, интересна и другая история – с более благополучным исходом. Речь пойдет о попытке выпускника Петербургского университета В.И. Веретенникова, являвшегося учеником А.С. Лаппо-Данилевского, защитить магистерскую диссертацию в Московском университете.

По окончании Петербургского университета Веретенников не был рекомендован профессором кафедры русской истории С.Ф. Платоновым в категорию профессорских стипендиатов и вынужден был впоследствии перебраться в Харьков. Довольно долго после отъезда он не решался ходатайствовать о защите в родном университете, но попытался получить согласие на принятие своей книги [Веретенников: 1910] в качестве магистерской диссертации в Московском университете. Декан М.К. Любавский, к которому он обратился для решения вопроса, после знакомства с ее содержанием ответил ему отказом в частном письме. Любопытно его решение даже не представлять на обсуждение факультета этот вопрос: оно демонстрирует разнообразие форм отказов, в т. ч. официально не фиксируемых, а также – факты различий, лежащих в основе понимания представителями научных сообществ разных университетов того, как должна быть выполнена диссертация с точки зрения ее научной состоятельности.

В письме к Платонову (от 27 апреля 1910 г.) Веретенников процитировал решение Любавского, сообщавшему ему мотивацию отказа: «Я не знаю, какая мерка прилагается к магистерским диссертациям в других университетах. Но традиции, установившиеся в Московском Университете, где магистерская степень присуждалась за такие труды, как “Государ[ственное] хоз[яйство] России в нач[але] 18 в.” П.Н. Милюкова, “Област[ная] реф[орма] Петра Вел[икого]” М.М. Богословского, “Посад[ская] община” Кизеветтера, “Замосковский край” Готье, не дают возможности мне лично выступить в Факультете с предложением присуждения магистерской степени за вашу, конечно, полезную, но слишком далеко все-таки стоящую от вышеназванных ученых трудов книгу»². Таким образом, диссертация Веретенникова, по мнению Любавского, не соответствовали уровню московской «мерки». Авто-

¹ Там же. Л. 5, 6, 8, 9, 12.

² ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2488. Л. 6-6 об.

ром подразумевалось, что смысл этой «мерки», конкретно им не сформулированный, соискателю следует искать в методологии перечисленных диссертаций учеников Ключевского. Впоследствии Веретенников всё же благополучно защитит и магистерскую (1910), и докторскую (1916) диссертации в Петербургском университете.

Два представленных казуса с недопуском к защите диссертаций демонстрируют, с одной стороны, сложность выработки научных критериев для консолидированного и однозначно положительного оценивания диссертации на предварительном этапе ее рассмотрения факультетом. С другой стороны, свидетельствуют, что в среде современников явно или неявно бытовали и даже подчеркивались представления о несходстве научных принципов, определявших достоинства и недостатки диссертаций в разных университетах: в особенности характерно специфическое противостояние двух «мерок» экспертизы – московской и петербургской. Одновременно случаи с отказом в защите демонстрировали реализацию корпоративных принципов ограничения допуска в элитную научную среду.

Институт официальных оппонентов

Традиции и культура оппонирования являлись нерасторжимой частью диссертационного диспута, что отразилось и в практиках изучения этих феноменов университетской культуры¹.

Обращаясь к данному сюжету, предварительно остановимся на уставных и нормативных принципах определения функций и статуса оппонента. Ещё устав Московского университета 1804 г., вводя принцип публичности всех «испытаний» соискателя ученой степени, создал прообраз оппонента. Специальный сюжет этого устава (ст. 107) гласил: «При публичных защищениях диссертаций после посторонних состязателей, противоположения делают три Профессора того же Факультета по старшинству, и об успехе сего испытания доносят Совету Университета»². Судьба соискателя после выступлений трех авторов «противоположений» окончательно решалась посредством голосования присутствовавших на защите членов отделения, по дисциплине которого держал испытания претендент на ученую степень (ст. 103).

¹ Особо отмечу в этой связи статью Т. Сандерса, впервые опубликованную еще в 1999 г. и являющуюся одним из первых опытов описания особенностей «института диспута» с позиций социокультурного подхода. [Сандерс: 2012, С. 161–192].

² Университетский устав (5 ноября 1804 г.). ст.107. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327> (дата обращения: 02.02.2017).

Более определенно статус оппонента был сформулирован позже – в положении о производстве в ученые степени 1844 г. Этот нормативный документ, установив обязательное представление на защиту тезисов диссертации, ввел назначение «возражателей на тезисы», которых в числе двух лиц выдвигали декан и соответствующий факультет³.

Обновленное положение об ученых степенях 1864 г. сохранило это требование⁴, но внедрило новую более современную терминологию: «возражателей» теперь предлагалось обозначать «официальными оппонентами». Этот термин довольно прочно вошел в лексику диссертационной культуры всего последующего времени, но до конца XIX в. слово «возражатель» нередко всплывало из прежней речевой традиции.

Характеризуя содержание законодательно-нормативных документов по интересующему вопросу, заметим: ни в одном из них детализации процедуры назначения оппонентов не существовало, как и не определялись статусные характеристики претендентов на оппонирование. Сделаю предположение, что эти нормативные моменты не были случайными: известный дефицит профессоров не позволял министерству просвещения устанавливать высокую статусную планку оппонентам, дабы избежать ситуации нехватки оппонентов для организации диспутов.

Факультетское сообщество ученых решало эти вопросы по своему усмотрению. Повсеместной практикой было назначение оппонентами профессоров ведущих кафедр, многие из которых считались научными руководителями соискателей. На вторые роли в оппонировании факультетом часто назначались представители доцентуры, а также из среды «оставленных при университете для получения профессорского звания». Нормативные особенности процедуры назначения оппонентов позволяли, таким образом, приобретать навыки оппонирования представителям молодого поколения ученых-историков. В этой связи можно подчеркнуть характерный опыт взаимного оппонирования диссертаций, который, в частности, демонстрировали представители школы Ключевского. Практически все ученики историка выступили в качестве оппонентов друг друга уже на ранних этапах своего научного становления. Сам же Ключевский почти у всех своих подопечных являлся либо официальным, либо неофици-

³ Положение о производстве в ученые степени (от 6 апреля 1844 г.). Ст. 38, 47.

⁴ См.: Положение об испытаниях на звание действительного студента и на ученые степени (от 4 января 1864 г.) § 27.

альным оппонентом [Бон: 2005, С. 102; Гришина: 2010, С. 254–258]. Подобный совместный опыт оппонирования служил дополнительными скрепами схолярной консолидации и может расцениваться как одна из школообразующих практик.

Вместе с тем, инициативы факультетов в рассматриваемой сфере имели свои границы: автономный статус университетов в области присуждения ученых степеней породил одну из характерных традиций диссертационной культуры, связанной с назначением оппонентов исключительно из среды «своего» факультета или университета. Практик приглашения оппонентов из других университетов не возникло.

В то же время защиты не в «своем», а в «другом» университете были нередким явлением. Причиной могло быть отсутствие на момент защиты в штате факультета профессора по специальности защищаемой диссертации. Таковой случай стал, например, причиной защиты С.Ф. Платоновым докторской диссертации (1899) в Киевском университете¹. Его оппонентами были, соответственно, историки этого университета (в частности – В.С. Иконников и П.В. Голубовский).

Д.В. Цветаев, преподававший в Варшавском университете, защищал докторскую диссертацию (1886), посвященную истории протестантизма в России, в Харьковском университете. Кроме профессора русской истории Д.И. Багаля, выполнившего роль первого оппонента, его вторым оппонентом стал специалист в области церковной истории профессор А.С. Лебедев.

Различные обстоятельства, связанные с научной конъюнктурой, конфликтными ситуациями, интригами, политическими настроениями соискателей или поисками оппонентов, являвшихся специалистами по теме диссертации, также заставляли соискателей искать места защиты в иных университетах и обходиться экспертными услугами соответствующих университетов/факультетов. Так, петербуржцы И.П. Сенигов² и В.И. Семевский³ вынуждены были организо-

вать свои диссертационные диспуты в других местах. Первый защищал магистерскую диссертацию в Казанском университете, диссертационные диспуты второго (магистерский и докторский) состоялись в Московском университете. В подобных случаях, соискателями, как правило, на неофициальном уровне велись переговоры с предполагаемыми оппонентами. Например, В.И. Семевский, ориентируясь на защиту магистерской диссертации в Московском университете, предварительно съездил в Москву и получил согласие на оппонирование, прежде всего, В.О. Ключевского (в то время доцента), а также со стороны другого оппонента – ординарного профессора Н.А. Попова, ставшего первым оппонентом на его защите [Семевский: 1917, С. 20–26]⁴.

Присылка следующей – докторской диссертации сопровождалась его коротким письмом к Ключевскому, в котором он просил историка высказать мнение о книге с целью определения степени ее состоятельности для возможности защиты в качестве докторской диссертации⁵.

Упомянутый выше случай В.И. Веретенникова из Харьковского университета, также свидетельствует, что путь к защите в «своем» но для него, одновременно, и «другом» – Петербургском университете – лежал через предварительные неофициальные контакты: он вел переписку с А.Е. Пресняковым, С.Ф. Платоновым и А.С. Лаппо-Данилевским. Заручившись согласием двух последних лиц, ставших его оппонентами, соискатель представил свою диссертацию в факультет. Магистерский диспут открыл ему дорогу и к защите докторской диссертации. К этому времени С.Ф. Платонов вышел в отставку, профессором кафедры русской истории стал С.В. Рождественский, выступивший, в соответствии с субординацией, в роли первого оппонента. Однако заметим, что именно А.С. Лаппо-Данилевский (он имел должность приват-доцента), считавшийся учителем Веретенникова и, выступая в обоих случаях его защит вторым оппонентом, получил от факультета просьбы составить рекомендательные отзывы на ту и другую диссертации.

Выбор и назначение оппонентов определялись, прежде всего, проблематикой диссертаций историков-соискателей. Чаще всего первыми оппонентами выступали опытные историки, воз-

¹ В возникшей ситуации С.Ф. Платонов мог выбрать любой университет для докторского диспута. К моменту защиты более всего связей у него было с Московским университетом, но выбрал он – Киевский. Историки объясняют этот выбор его решением, принятым после многотрудного диспута Милюкова (1892) и жесткой позиции в отношении к своему ученику Ключевского-оппонента. После защиты Платонов сообщил Милюкову, что «теперь точно не поедет в Москву с докторской диссертацией», что вероятно он первоначально планировал [Цит.: Макушин, Трибунский: 2001, С. 71].

² Об интригах вокруг магистерской диссертации Сенигова со стороны окружения С.Ф. Платонова см.: [Брачев, Дворниченко: 2004, С. 63, 67–75; Гришина: 2011, С. 21–27].

³ Опускаем детали хорошо известных в историографии об-

стоятельств защит диссертаций В.И. Семевского, отклоненных по политическим соображениям в Петербургском университете, но принятых в Московском университете.

⁴ См. также протоколы историко-филологического факультета о допуске его к защите и о результатах его диспута: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 9. Л. 4–5.

⁵ См.: НИОР РГБ. Ф. 131. П. 14. Ед. хр. 17. Л. 9-9об.

главлявшие кафедры русской и всеобщей истории. Но диссертации по истории нередко приобретали междисциплинарный характер, затрагивая вопросы филологии, статистики, экономики, правоведения. Поэтому использовался опыт приглашения в качестве оппонентов специалистов по этим профилям. Следует, правда, сделать оговорку: подобная практика была более распространена в 1860–1890-е гг. В первой половине XIX в. наблюдалась несколько иная ситуация.

Приведу несколько примеров. На докторском диспуте Н.Г. Устрялова (1836), который первым среди историков Петербургского университета, защитил диссертацию [Устрялов: 1836], оппонентами выступали поэт и литературный критик П.А. Плетнев (первый оппонент) и известный специалист в области статистики К.Ф. Герман (второй оппонент). В это время в университетах только еще вырабатывался опыт первых защит диссертаций по истории и устойчивых требований к оппонентам ни со стороны закона, ни со стороны научной среды еще не сложилось. Первый из указанных оппонентов не имел ученых степеней, но с 1832 г. являлся профессором кафедры русской словесности Петербургского университета, впоследствии был ректором университета¹. Вторым оппонент – профессор К.Ф. Герман, окончивший Геттингенский университет и некоторое время являвшийся профессором в Петербургском университете, на момент своего оппонирования был уже академиком Императорской академии наук. Однако ни одного из них назвать специалистом по теме диссертации назвать нельзя. Диссертация Устрялова, являющаяся по авторскому замыслу и современным меркам работой методологической и историографической, в то время была квалифицирована по разряду философии. «Узких» знатоков для оппонирования данной диссертации тогда не нашлось.

Можно заметить, что на исторических диспутах среди оппонентов, не являвшихся историками, чаще других выступали коллеги историков по историко-филологическому факультету – специалисты в области филологии. В частности, в 1845 г. защиту магистерской диссертации Т.Н. Грановского по всеобщей истории («Волин, Йомсбург и Винета: историческое исследование»²) обеспечи-

вали два оппонента-филолога – магистр О.М. Бодянский – известный филолог-славист³ и не менее известный доктор С.П. Шевырев. Оба они защитили свои диссертации по разряду «словесных наук». Очевидно, что в данном случае на выбор первого оппонента оказал влияние специальный круг его интересов. Свою магистерскую диссертацию (1837) Бодянский защищал, специализируясь по «славянским наречиям», а потому он из двух оппонентов находился ближе к тогдашнему научному интересу Грановского. Однако в истории оппонирования этой защиты явно не доставало специалистов-историков.

Ситуация подготовки магистерского диспута А.Г. Брикнера (Петербургский университет), защищавшего в 1864 г. диссертацию по всеобщей истории на тему «Медные деньги в России 1656–1663 гг. и денежные знаки Швеции 1716–1719 гг.», была уже иной. Тема диссертации потребовала искать специалиста по финансовым вопросам. Поэтому первым оппонентом логично и оправданно был приглашен известный ученый-экономист, знаток теории финансов, профессор политической экономии И.Я. Горлов. Вторым оппонентом стал историк-антиковед В.В. Бауер, являвшийся доктором всеобщей истории и возглавлявший соответствующую кафедру, но, очевидно, не рассматривавшийся как непосредственный специалист по проблемам диссертации.

На докторском диспуте В.О. Ключевского (1882), диссертация которого посвящена такому институту, как Боярская дума, первым оппонентом выступал профессор русской истории Н.А. Попов. Вторым же оппонентом вполне обосновано был приглашен правовед и историк права П.Н. Мрочек-Дроздовский, изучавший систему областного управления России XVIII в., а потому в методологическом отношении близко стоявший к рассматриваемой проблематике.

источников относительно славянского торгового города Волин, отождествлявшийся в современной ему славистике с мифологической Винетой. Опровержение свидетельств легенд о балтийских славянах венедах, рассматриваемых им как «фантазия», являлось одной из важнейших задач историка. Диспут Грановского относится к одному из наиболее заметных событий научной и культурной жизни Московского университета. См. о магистерской диссертации и обстоятельствах защиты Т.Н. Грановского: [Левандовский: 1990, С. 115–120; Сандерс: 2012, С. 184, 191; Галямичев: 2013, С. 43–49].

³ Об О.М. Бодянском (он выступил с резкой критикой диссертации Т.Н. Грановского, что вызвало недовольство студенческой аудитории) см. статью Л.П. Лаптевой, представившей портрет филолога-слависта на фоне характеристики Грановского, правда, не упоминая историю его диспута с участием Бодянского [Лаптева: 2009, С. 5–18].

¹ Возможно, карьерное движение не имевшего ученых степеней П.А. Плетнева можно объяснить известным фактом его биографии: с конца 1820-х гг. он по рекомендации В.А. Жуковского преподавал литературу наследнику, будущему Александру II, и великим князьям.

² Диссертация Грановского была посвящена сюжету из средневековой истории славян. В центре его внимания находился критический анализ сведений различных

При обсуждении вопроса об оппонировании диссертации П.Н. Милюкова (1892), в которой рассматривались вопросы о податной системе, бюджете и состоянии финансов России первой четверти XVIII в., ставился вопрос о целесообразности приглашения в качестве второго оппонента известного экономиста и статистика, знатока финансового права профессора И.И. Янжула.

Интересно обоснование со стороны факультета выбора оппонента не по исторической специальности для понимания степени распространенности подобных практик в Московском университете. В заседании историко-филологического факультета зафиксировано следующее решение: «Так как сочинение “Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого” имеет ближайшее отношение к финансовому праву, и так как бывали уже случаи назначения одного из официальных оппонентов с другого факультета, то определили: просить взять на себя обязанность второго оппонента ординарного профессора И.И. Янжула и поручить декану снести с ним на этот счет»¹.

Первым оппонентом являлся В.О. Ключевский, на кафедре которого специализировался соискатель. К большому для Милюкова сожалению,

болезнь Янжула, давшего уже согласие выступить вторым оппонентом, не позволила его реализовать. Поэтому вторым оппонентом, в конце концов, стал один из учеников Ключевского – В.Е. Якушкин².

Докторский диспут Г.Е. Афанасьева (1892), проходивший в Петербургском университете, был посвящен проблемам экономической истории – особенностям хлебной торговли во Франции XVIII в. Защита сопровождалась оппонированием не только специалиста по истории Франции – Н.И. Кареева, но и известного ученого-экономиста, автора исследований по истории цен и финансов – И.И. Кауфмана, выступавшего вторым оппонентом.

Официальные оппоненты являлись основными экспертами диссертации. Однако, как показывает практика защит, все же исход диспута, как бы ни разворачивался его сценарий, определял рекомендательный отзыв, принятый факультетом. Вместе с тем, именно мнения оппонентов формировали репутацию соискателя в научной и культурной среде.

(Продолжение следует)

¹ См.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 19. Л. 4 об.

² Там же. Л. 9, 14, 17.

Список литературы

1. Алеврас Н.Н. Диссертационная культура российских историков: взгляд на проблему шесть лет спустя // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
2. Алеврас Н.Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX – начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков : сб. ст. / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011.
3. Алеврас Н.Н. Статус диссертации и нормативные основы практик оппонирования в российском законодательстве XIX века // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 37–46.
4. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Диссертации историков и законодательные нормы (1860–1920-е гг.) // Российская история. 2014. № 2.
5. Алеврас Н.Н., Гришина Н.В., Скворцов А.М. К созданию коллективного портрета историков соискателей ученых степеней в России XIX – начала XX в.: разработка базы данных и предварительный анализ // Учитель истории в социокультурном пространстве Евразии в конце XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2016.
6. Барбашёв А.И. Очерки литовско-русской истории XV в. Витовт: последние двадцать лет княжения. 1410–1430. СПб., 1891.
7. Бон Т.М. Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и Московская школа / Т.М. Бон. СПб., 2005. 272 с.
8. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834–2004. СПб., 2004. 384 с.
9. Бухерт В.Г. Платонов и «Кружок русских историков» // Археографический ежегодник за 1999 год. М., 2000.

10. Веретенников В.И. История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
11. Вишленкова Е., Ильина К. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость // НЛО. 2013. № 4. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>.
12. Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Университет vs министерство народного просвещения: академическая экспертиза и цензура диссертаций в середине XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4.
13. Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Журналы о себе и для себя: университетские издания первой половины XIX в. // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов : коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013.
14. Галямичев А.Н. Средневековая история славян в научно-педагогической деятельности Т.Н. Грановского // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3.
15. Гришина Н.В. «Школа В.О. Ключевского» в исторической науке и культуре. Челябинск, 2010. 288 с.
16. Гришина Н.В. Диссертационная история И.П. Сенигова в системе коммуникаций историко-филологического сообщества // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. Вып. 47.
17. Запорожец О.Н. Навигатор по карте историко-социологических исследований университета // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов : коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013.
18. Зипунникова Н.Н. «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века : монография. Екатеринбург, 2009. 440 с.
19. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII–1917 г. М., 1994. 198 с.
20. Иванов А.Е. Ученое достоинство в Российской империи XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016. 656 с.
21. Ильина К.А. Практика рецензирования диссертаций по истории и филологии в университетах Российской империи первой половины XIX века // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
22. Ильина К.А. Траектория научной аттестации в российских университетах 1830-х годов. Опыт защиты А.И. Чивилева // Диалог со временем 57. М., 2016.
23. Ильина К.А., Вишленкова Е.А. Архивариус: хранитель и создатель университетской памяти // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов : коллект. моногр. / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013.
24. Исторические диспуты // Историческое обозрение. 1891. Т. 3.
25. Исторические диспуты // Историческое обозрение. 1891. Т. 2.
26. Исторические диспуты в 1890 г. // Историческое обозрение. 1890. Т. 1.
27. Кареев Н.И. От редактора // Историческое обозрение. 1891. Т. 2.
28. Кибальная М.Н. Рецензии на страницах «Университетских известий»: к истории практик научной аттестации в российских университетах // Клио. 2015. № 9 (105).
29. Корзун В.П. О соотношении понятий диссертационная культура и профессорская культура: дефиниции как исследовательская опция // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения : сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
30. Краснова Ю.В. Университет в российской истории и история университета: историографический очерк // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2009, № 1 (27).
31. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР, 1985, № 2.
32. Лаптева Л.П. Значение О.М. Бодянского в развитии русского славяноведения // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (к 200-летию со дня рождения ученого) : сб. ст. М., 2009.
33. Левандовский А.А. Время Грановского. М., 1990. 304 с.

34. Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. 439 с.
35. Малышева С.Ю. «Между благочестивыми потомками времени и остервенелыми обитателями пространства»: гетеротопичность университета // Диалог со временем. М., 2016. Вып. 57. С. 161–168.
36. [Платонов С.] Рец.: А.Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. Очерк по истории X–XII столетий. СПб., 1909. // Журн. министерства народного просвещения, 1909, июль.
37. Посохов С.И. Историографические образы: вариант деконструкции (на материалах историографии российских университетов) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2013. Т. 4. Вып. 2. (18). URL: <https://history.jes.su/s207987840000479-5-1> (дата обращения: 03.07.2017).
38. Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб, 2015.
39. Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи / перевод с англ. А.В. Антощенко // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом : коллект. моногр. / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М., 2012.
40. Семевский В.И. Автобиографические наброски // Голос минувшего. 1917. № 9/10.
41. Сергеевич В.И. Порядок приобретения ученых степеней // Северный вестник. 1897. № 10.
42. Скворцов А.М. «Диссертационная культура» историков-антиковедов дореволюционной России // Диссертация по истории в контексте российской научной культуры XIX – середины XX вв.: опыт и перспективы изучения сб. ст. по итогам межрегион. науч. семинара (вебинара), 18 ноября 2016 г., Челябинский государственный университет / под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной. Челябинск, 2016.
43. Сухова Н.Ю. Диссертационные диспуты как форма научной работы в православных духовных академиях России в 1869–1884 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2010. Вып. II:3 (36).
44. Уваров П.Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). М., 2000. 98 с.
45. Университетские диспуты по историческим диссертациям в 1892 г. // Историческое обозрение. 1892. Т. 5.
46. Устрялов Н.Г. «О системе прагматической русской истории». Рассуждение, написанное на степень доктора философии. СПб, 1836.
47. Филимонов В.А. Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Диалог со временем, 2012. Вып. 41.
48. Шершеневич Г.Ф. О порядке приобретения ученых степеней. Казань, 1897.

Сведения об авторе

Алеврас Наталия Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. vhist@mail.ru

Magistra Vitae.
2017. No 2. P. 145–161.

THE EXPERIENCE AND TRADITION OF OPPOSING THESES IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY (from dissertation practices of historians) Part 1. Institutions of theses examination

N. N. Alebras

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vhist@mail.ru

The author's research material focuses on the study of various types and forms of opposing theses in Russian universities of the study period. They are considered as a system of methods to examine the scientific consistency of qualification works the authors of which claimed an academic degree. The article consists of two parts. The first part, after the introduction about the nature of dissertation incorporationist culture into the university space, turned to the study of the institutions of theses examination. In particular, it considers

the institution of public debate, closely associated with the tradition of bringing into limelight, including the speeches of opponents, in press. This point draws attention to the dispute potential to implement scientific and professional as well as social (cultural) examination of scientific work. The next aspect of the article is the specifics of the faculty's review of a dissertation research as the examination of an applicant admission to defend the dissertation. The tradition of compiling faculty opinions is presented with the regulatory requirements for this type of examination and the attitude of contemporaries to the quality of faculty expert functions. In the context of this subject matter we deal with refusals to accept some theses submitted to a faculty. The development of the institute of official opponents at the level of legislative rules and traditions of university life continues the theme of the article first part. The principles of selection and appointment of opponents applied to the practice of different theses allow presenting a general picture of the opposing tradition in Russian universities. The article is based on the texts of university statutes, regulations on academic degrees, record keeping documentation of universities, the materials of personal archives of historians, periodicals, sources of personal origin.

Keywords: *Russian universities, dissertation culture, thesis, opponent, opponent's opinion, faculty opinion, dissertation examination, periodicals.*

Reference

1. Alevras, N. N. Dissertacionnaya kul'tura rossijskikh istorikov: vzglyad na problem šest' let spustya [Dissertation the culture of Russian historians: a look at the issue six years later] in Alevras, N. N., Grishina, N. V. (ed.). (2016). *Dissertaciya po istorii v kontekste rossijskoj nauchnoj kul'tury XIX- serediny XX vv.: opyt i perspektivy izucheniya : sb. st. po itogam mezhregional'nogo nauchnogo seminara (vebinara), 18 noyabrya 2016 g.* Chelyabinsk. (In Russ.).
2. Alevras, N. N. Dissertatsionnyy disput kak sobytie i traditsiya universitetskogo byta vtoroy poloviny XIX – nachala XX v. [Dissertation defense as an event and a tradition of university life in late XIX – early XX century] in Alevras, N. N., Grishina, N. V., Krasnova, Yu. V. (eds.). (2011). *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVIII–XXI vv. : sb. st.* Chelyabinsk. (In Russ.).
3. Alevras, N. N. (2017). Status dissertacii i normativnye osnovy praktik opponirovaniya v rossijskom zakonodatel'stve XIX veka [The status of the dissertation and normative framework for practices of opposition in the Russian legislation of the XIXth century]. *Vol 3 (38). Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya.* Pp. 37–46. (In Russ.).
4. Alevras, N. N., Grishina, N. V. (2014). Dissertatsi i istorikov i zakonodatel'nye normy (1860–1920-e gg.) [History theses and laws (1860–1920es)], *Rossiyskaya istoriya, 2.* (In Russ.).
5. Alevras, N. N., Grishina, N. V., Skvortsov, A. M. (2016). K sozdaniyu ukollektivnogo portreta istorikov soiskateley uchenykh stepeney v Rossii XIX – nachala XX vv.: razrabotka bazy dannykh i predvaritel'nyy analiz [About the creation of collective portrait of historians applying for academic degrees in Russia in XIX – early XX century: the development of a database and preliminary analysis] in *Uchitel' istorii v sotsiokul'turnom prostranstve Evrazii v kontse XX – nachale XXI v.: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem.* Kazan. (In Russ.).
6. Barbashyov, A. I. (1891). Ocherki litovsko-russkoj istorii XV v. Vitovt: poslednie dvadcat' let knyazheniya. 1410–1430. [Essays Lithuanian-Russian history of the XV century Vytautas: the last twenty years of the reign. 1410–1430]. St. Petersburg. (In Russ.).
7. Bon, T. (2005). Russkaya istoricheskaya nauka. Pavel Nikolaevich Milyukov i Moskovskaya shkola [Russian historical science. Pavel Nikolayevich Milyukov Moscow school]. 272 p. St. Petersburg. (In Russ.).
8. Brachev, V. S., Dvornichenko, A. Yu. (2004). Kafedra russkoj istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1834–2004 [Department of Russian history of St. Petersburg University. 1834–2004]. 384 p. St. Petersburg. (In Russ.).
9. Buhert, V. G. (2000). Platonovi «Kruzhok russkikh istorikov» [Platonov and “Circle of Russian historians”]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1999 god.* Moscow. (In Russ.).
10. Veretennikov, V.I. (1910). Istoriya Tajnoj kancelyarii petrovskogo vremeni [The History of the Secret Chancellery of Peter's time]. Harkov. (In Russ.).
11. Vishlenkova, E., Il'ina, K. (2013). Ob uchenykh stepenyakh i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala nauchnyu i prakticheskuyu znachimost' [About academic degrees and how dissertations gained academic and practical importance in Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie, 4.* URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3755>. (In Russ.).

12. Gataullina, R. Kh., Il'ina, K. A. (2016). Universitet vs ministerstvo narodnogo prosveshcheniya: akademicheskaya ekspertiza i tsenzura dissertatsiy v seredine XIX v. [University vs Ministry of Public Instruction: academic expertise and dissertation censorship in mid XIX century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, 4. (In Russ.).
13. Galiullina, R. H., Il'ina, K. A. Zhurnaly o sebe i dlya sebya: universitetskie izdaniya pervoy poloviny XIX v. [The magazine itself and for itself: the University publications of the first half of the XIX century] in Vishlenkovej E.A., Savel'evoy I.M. (eds.). (2013). *So slovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov : kollekt. monogr.* Moscow. (In Russ.).
14. Galyamichev, A. N. (2013). Srednevekovaya istoriya slavyan v nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti T. N. Granovskogo [Medieval history of the Slavs in the scientific and pedagogical activities of T. N. Granovsky], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 13, iss. 3. (In Russ.).
15. Grishina, N. V. (2010). «Shkola V. O. Klyuchevskogo» v istoricheskoy nauke i kul'ture [“The Kliuchevsky school” in the history of science and culture]. 288 p. Chelyabinsk. (In Russ.).
16. Grishina, N. V. (2011). Dissertatsionnaya istoriya I. P. Senigova v sisteme kommunikacij istoriko-filologicheskogo soobshchestva [Dissertation the story of I. P. Senigova in the communications system of historical-philological community], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 47. (In Russ.).
17. Zaporozhec, O. N. Navigator po karte istoriko-sociologicheskikh issledovanij universiteta [Navigator on the map of historical and sociological studies of the University] in Vishlenkovej, E. A., Savel'evoy, I. M. (eds.). (2013). *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov : kollekt. monogr.* Moscow. (In Russ.).
18. Zippunnikova, N. N. (2009). «Universitety uchrezhdayutsya dlya prepodavaniya nauk v vysshey stepeni». Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob universitetakh XVIII – nachala XX v. : monografiya [“Universities are established to teach sciences in the extreme”. Russian university legislation of XVII – early XX century : a monograph]. 440 p. Yekaterinburg. (In Russ.).
19. Ivanov, A. E. (1994). Uchenye stepeni v Rossijskoj imperii. XVIII–1917 g. [Academic degrees in the Russian Empire. XVIII–1917]. 198 p. Moscow. (In Russ.).
20. Ivanov, A. E. (2016). Uchenoe dostoinstvo v Rossijskoj imperii XVIII – nachalo XX veka. Podgotovka i nauchnaya attestaciya professorov i prepodavatelej vysshey shkoly [Academic titles in the Russian Empire. XVIII – early XX century. Education and academic assessment of professors and higher education teachers. XVIII – early XX century]. 656 p. Moscow. (In Russ.).
21. Il'ina, K. A. Praktika retsenzirovaniya dissertatsiy po istorii i filologii v universitetakh Rossijskoj imperii pervoy poloviny XIX v. [Reviewing history and philology dissertations in the universities of the Russian Empire in early XIX century] in Alebras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). *Dissertatsiya po istorii v kontekste rossijskoj nauchnoj kul'tury XIX – serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya: sb. Statey po itogam mezhhregion. nauch. seminarov (vebinarov) 18 noyabrya 2016 g.* Chelyabinsk. (In Russ.).
22. Il'ina, K. A. (2016). Traektoriya nauchnoj attestatsii v rossijskikh universitetakh 1830-kh gg.: opyt zashchity A. I. Chivileva [The trends in academic assessment in Russian universities in the 1830s: the defense of A. I. Chivilev]. *Dialog so vremenem*, 57. (In Russ.).
23. Il'ina, K. A., Vishlenkova, E. A. Arhivarius: hranitel' izozdatel' universitetskoj pamyati [Archivist: Keeper and Creator of the University's memory] in Vishlenkova, E. A., Savelyeva, I. M. (eds.). (2013). *Soslovie russkikh professorov. Sozdateli statusov i smyslov : kollekt. monogr.* [Class Russian professors. The creators of statuses and meanings: kollekt. monogr.]. Moscow. (In Russ.).
24. Istoricheskie disputy [Historical debates]. In *Istoricheskoe obozrenie*, 1891, vol. 3. (In Russ.).
25. Istoricheskie disputy [Historical debates]. In *Istoricheskoe obozrenie*, 1891, vol. 2. (In Russ.).
26. Istoricheskie disputy v 1890 g. [Historical debates, 1890]. In *Istoricheskoe obozrenie*, 1890, vol. 1. (In Russ.).
27. Kareev, N.I. (1891). Ot redaktora [From the editor]. In *Istoricheskoe obozrenie*, 1891, vol. 2. (In Russ.).
28. Kibal'naya, M. N. (2015). Recenzii na stranicah «Universitetskikh izvestij»: k istorii praktik nauchnoj attestatsii v rossijskikh universitetah [Reviews on the pages of the “University news”: the history of the practices of scientific assessment in Russian universities], *Klio*, 9 (105). (In Russ.).
29. Korzun, V. P. O sootnoshenii ponyatij dissertatsionnaya kul'tura i professorskaya kul'tura: definicii kak issledovatel'skaya opcija [On the relationship between the concepts of culture dissertation and professorial culture: definitions as a research option] in Alebras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). *Dissertatsiya po*

istorii v kontekste rossiyskoy nauchnoy kul'tury XIX–serediny XX v.: opyt i perspektivy izucheniya: sb. Statey po itogam mezhregion. nauch. seminara (vebinara) 18 noyabrya 2016 g. Chelyabinsk. (In Russ.).

30. Krasnova, Yu. V. (2009). Universitet v rossijskoj istorii i istoriya universiteta: istoriograficheskij ocherk [University in the Russian history and the history of the University historiographical essay]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri, 1* (27). (In Russ.).

31. Krichevskiy, G. G. (1985). Uchenye stepeni v universitetakh dorevolyutsionnoy Rossii [Academic degrees in the universities of Russia before Revolution]. *Istoriya SSSR, 2*. (In Russ.).

32. Lapteva, L. P. (2009). Znachenie O. M. Bodyanskogo v razvitii russkogo slavyanov edeniya [Value O. M. Bodyansky in the development of Russian of Slavic studies] in *O. M. Bodyanskij i problem istorii slavyanov edeniya (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo) : sb. st.* [O. M. Bodyansky and problems in the history of Slavic studies (the 200th anniversary of the birth of the scientist)]. Moscow. (In Russ.).

33. Levandovskij, A. A. (1990). Vremya Granovskogo [Granovsky Time]. 304 p. Moscow. (In Russ.).

34. Makushin, A. V., Tribunskij, P. A. (2001). Pavel Nikolaevich Milyukov: Trudy i dni (1859–1904) [Pavel Nikolaevich Miliukov: Trudy I dni (1859–1904)]. 439 p. Ryazan. (In Russ.).

35. Malysheva, S. Yu. (2016). «Mezhdu blagochestivym i potomkami vremeni i ostervenelymi obitatel'nyami prostranstva»: geterotopichnost' universiteta [“Between the pious descendants of time and the frenzied inhabitants of the space”: heterotopically University], *Dialog, 57*, pp. 161–168. (In Russ.).

36. Platonov, S. (1909). Rec.: A.E. Presnyakov. Knyazhoe pravo v drevnej Rusi. Ocherk po istorii X–XII stoletij. SPb., 1909. [Review.: A. E. Presnyakov. Knyazhaya law in ancient Rus. Essay on the history of the X–XII centuries. SPb., 1909.], *Zhurn. Ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1909, July*. (In Russ.).

37. Posohov, S. I. (2013). Istoriograficheskie obrazy: variant dekonstrukcii (na materialah istoriografi irossijskikh universitetov) [Historiographical images: variant of deconstruction (on the materials of the historiography of Russian universities)]. *Ehlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*, vol. 4, iss. 2. (18). Available at: <https://history.jes.su/s207987840000479-5-1> (accessed 03.07.2017). (In Russ.).

38. Savin, A. N. (2015). Universitetskie dela. Dnevnik 1908–1917 [University situation. Diary, 1908–1917]. Moscow; St. Petersburg. (In Russ.).

39. Sanders, T. Tretij opponent: zashchity dissertacij i obshchestvennyj profil' akademicheskoy istorii v Rossijskoj imperii [The Third opponent: defense of thesis and public profile of academic history in the Russian Empire] in A. N. Dmitriev (ed.). (2012). *Istoricheskaya kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom : kollekt. monogr.* Moscow. (In Russ.).

40. Semevskij, V. I. (1917). Avtobiograficheskie nabroski [Autobiographical sketches], *Golos minuvshogo*, no. 9/10. (In Russ.).

41. Sergeevich, V. I. (1897). Poryadok priobreteniya uchenyh stepenej [The Order of acquisition of degrees], *Severnij vestnik, 10*. (In Russ.).

42. Suhova, N. Yu. (2010). Dissertacionnye disput ykak forma nauchnoj raboty v pravoslavnyh duhovnyh akademiayah Rossii v 1869–1884 gg. [Dissertation debates as a form of scientific work in the Orthodox theological academies of Russia in 1869–1884], *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta, II: 3* (36). (In Russ.).

43. Skvorcov, A. M. «Dissertacionnaya kultura» istorikov-antikovedov dorevolyucionnoj Rossii [“Dissertational culture” of antikovedic historians of pre-revolutionary Russia] in Alevras, N. N., Grishina, N. V. (eds.). (2016). *Dissertaciya po istorii v kontekste rossijskoy nauchnoy kul'tury XIX–serediny XX vv.: opyt i perspektivy izucheniya. Sb. st. po itogam mezhregional'nogo nauchnogo seminara (vebinara), 18 noyabrya 2016 g.* Chelyabinsk. (In Russ.).

44. Uvarov, P. Yu. (2000). Istoriya intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoj Evrope (spekurs) [History of intellectuals and intellectual work in Medieval Europe (special course)]. Moscow. 98 p. (In Russ.).

45. Universitetskie disputy po istoricheskim dissertacijam v 1892 g. [University debates in historical dissertations in 1892], *Istoricheskoe obozrenie, 1892*, vol. 5. (In Russ.).

46. Ustryalov, N. G. (1836). «O sisteme pragmaticheskoy russkoj istorii». Rassuzhdenie, napisannoe na stepen' doktora filosofii [“On the system pragmatic Russian history”. Reasoning, written for the degree of doctor of philosophy]. St. Petersburg. (In Russ.).

47. Filimonov, V. A. (2012). Antikovedy – avtory «Ehnciklopedicheskogo slovarya Brokgauza i Efrona» v kommunikativnom prostranstve N. I. Kareeva [Antiquarians – the authors of the “Encyclopedic dictionary Brockhaus and Efron” in the communicative space of N. I. Kareev], *Dialog so vremenem, 41*. (In Russ.).

48. Shershenevich, G. F. (1897). O poryadke priobreteniya uchenyh stepenej [The procedure for obtaining academic degrees]. Kazan. (In Russ.).